

ТАЙНА *беззакония*

Два откровения 1909 года

СЛОВО
архимандрита Иоанна
(Крестьянкина)
в Неделю 28-ю
по Пятидесятнице
ГОСПОДИ,
ИМЯ ТЕБЕ – СИЛА

По благословению
Высокопреосвященнейшего Евсевия,
митрополита Псковского и Великолукского
Свято-Успенской Псково-Печерской
обители священноархимандрита

В книге «Тайна беззакония» публикуются два рассказа, изданные в России в 1909 году. В репринтном варианте ее выпустило по благословению отца Иоанна (Крестьянкина) в 90-е годы прошлого века издательство «Правило веры». Книга, которую вы держите в руках, дополнена проповедью самого батюшки, а также некоторыми молитвами.

К изданию прилагается CD-диск с проповедью архимандрита Иоанна, произнесенной им в Неделю 28-ю по Пятидесятнице 25 ноября (8 декабря) 1991 года.

Вместо предисловия

*Дорогой о Господе Михаил Александрович!**

Четвертый день как живу я жизнью уединенной, где только небо и земля вещают о дивных делах Божиих. Но это уединение не только не устранило дум о том, что происходит в мире и с людьми, но как бы еще ярче увиделось на фоне послушной воле Божией и умиротворенной Им природы безобразие человеческой драмы, где сценаристом была и есть сила богоборческая, сила вражия.

И вот здесь ныне прозвучало настоятельное требование опубликовать для омраченного, ослепленного человечества два видения – откровения, явившиеся одновременно на Руси, но до сего дня оставшиеся незамеченными, неосмысленными.

И хоть мало надежды, что нынче они смогут быть восприняты по достоинству, но все же хочется еще и еще раз обратить на них внимание уже совсем погибающей Руси. Не услышат ли ныне, не поймут ли теперь, когда вся страшная программа уже осуществлена до конца, что единственное может послужить к нашему спасению.

Дорогой мой, потрудитесь совместно с N, найдите подлинные издания в московских библиотеках и хранилищах и дайте России их в репринтных изданиях вместе, в одной книжице-брошюре и с соответствующим предисловием-комментарием. Сделайте издание по возможности дешевым, чтобы многие могли приобрести его.

---

* В свое время руководитель издательства «Правило веры» получил от своего духовника, архимандрита Иоанна (Крестьянкина), старца Псково-Печерского монастыря, письмо, которым начинается данная книга.

Эта книжка даст каждому читающему разумение всего происходящего и наметит единственный путь к возрождению в жизнь.

Потрудитесь, дорогие мои, нельзя спокойно смотреть на агонию Руси.

С любовию о Христе ваш недостойный богомолец

А издания таковы:

Н. П. Рышковский «Шествие разрушителя», бесплатное приложение к журналу «Путь жизни», Зарайск, издание 1909 г.

Журнал «Руководство для сельских пастырей», 1909 г. Пасхальный рассказ «Не может быть».

В наше же время, когда слово «кризис» прочно вошло в понятие современной жизни, а страх и предчувствие грядущих катастроф охватили всех живущих на земле, людям необходимо вернуться к истинному смыслу происходящего: не будем забывать, что в переводе с греческого слово «кризис» – суд, а в духовном понимании речь идет о суде Божием. Явление это тесно связано с тем, как мы живем и что для нас является истинной ценностью.

И вновь для нас звучит тихий голос отца Иоанна: «Запомни и уясни волю Божию – «Сыне, даждь Ми твое сердце», вот за чем следить-то надо неусыпно со всем чаянием – кому мы служим, чем живем».

Голос батюшки звучит уже из вечности: «И помня, что сила борителя крепка, а наша сила немощна, смиренно припадем верой к Тому, Чья сила сильнее всякой другой. Господи, имя Тебе – Сила, подкрепи же нас всех, изнемогающих и падающих. Аминь».

ШЕСТВИЕ *разрушителя*

Видение

Я не знаю, что это было. Может быть, это сон, или экстаз, или просто сложная, длинная галлюцинация... Но это случилось со мною в действительности, без потери сознания. И я чувствую неодолимую силу, понуждающую меня передать, пересказать обо всем, что я видел и слышал, – рассказать о тех страшных, чудовищных обликах, которые предстали перед моими глазами, когда я спал, или не спал, а, может быть, и бредил как-то особенно, наяву и сознательно, лицом к лицу с той страшной и мрачной областью, которая предо мной открылась.

Когда я сидел в своей рабочей комнате, за письменным столом, поздно, около часа за полночь, мне вдруг показалось, что я стремительно опустился в какую-то темную глубину, внутрь земли, на 550 миль, и мне почему-то вдруг явилось в мыслях именно это число 550 и запечатлелось в памяти.

Кругом зияла черная тьма, а на самом дне горели огни, подымаясь длинными языками, изливавшимися багровым пламенем цвета крови. А тьма была черная, чернее беззвездной ненастной ночи, и в ней мелькали без числа круглые огоньки, пронизывавшие насквозь и как бы жалившие змеиными жалами; наконец я рассмотрел, что это были искаженные чудовищным безобразием облики, черные, как сама эта бездна, а круглые, жалившие огоньки – были глаза их.

И слышал я там, в бездне, страшные голоса, подобные лязгу медного листа, от которого падает сердце, понижается и замирает, и тошнит... И я слышал дерзкие речи и читал мысли этих обитателей бездны, и все тайны их открылись передо мною. И кто-то был при мне еще другой и удерживал меня, чтобы не умереть, – и я был силен над бездной через Него.

Пусть все это объясняют, как хотят, но я должен рассказать о случившемся и передать то, что здесь записано и озаглавлено мною «Шествием разрушителя». И я это исполняю.

Н. Р.
17 апреля 1909 г.

«Я обессилен и побежден, но у меня есть еще великая сила внушения, и я разобью цепи и оковы, переступлю грани вселенной, и ополчусь с моими легионами, и склоню к ополчению людей, и выступлю на брань, последнюю брань с этим Кротким Агнцем, лучи славы Которого, Его эта кротость, смирение, терпение, чистота, невинность и святость жгут меня огнем невыносимым и угрожают приближением низвержения моего во тьму внешнюю. А я знаю, что оттуда исход уже невозможен, ибо это – область вечного мрака небытия, где сроки для меня закрыты и закончены и средства все утрачены бесповоротно – там, в области мрака, в новой, бесконечной для меня вечности».

Так думал Люцифер*, скованный в преисподней на день последнего суда, и ужаснулся своей будущности. Ему вспомнились обители Света вечной радости, красоты небесных служителей славы с их кротостью, смирением и преданностью Творцу в нескончаемой любви к Нему и вечном славословии миров вселенной... Вспомнились и дни пришествия на землю Божественного Агнца, перед смирением, кротостью и терпением Которого склонилось познавшее Его человечество. Вспомнилась удавшаяся хитрость, измена и коварство: предание Богочеловека крестной смерти, и мнимая победа над Ним, и страшная минута окончательного поражения светоносным воскресением

* Люцифер – Сатана.

Сына Божия... «Все кончено; мир уверовал в Него, и совершилось спасение человечества от начала времен, и этой верой будут спасены все нарождающиеся поколения людей, – пока не войдет земля в вечно-бессменное существование с мирами совершеннейшими, – на бесконечные века, закрытые для меня».

И цепи – скованные, сплетенные из мрака предательства, измены, стихийной гордости, самомнения и лжи, опоясывавшие Люцифера, – еще крепче облегли и связали его со всех сторон и омрачили ум его еще большей затаенной злобой и местью, еще больше и безысходнее и безнадежнее мучившими его своим бессилием, угнетавшим сознание его безумной воли.

«Покориться – разве? – пасть в прах перед всемогущим светом Всезиждущей Силы; перед этой беспредельной любовью и милосердием Того, Кто призывает всех к вечному бытию, счастью и блаженству познания истинного разума?! Покориться?.. Пасть и поклониться, после того как я продержался в борьбе столько веков, – испробовал столько средств и усовершенствовался в своей культуре?» – гордо подумал Люцифер, и жестокая боль безумия от давивших его оков бессилия обуяла его безмерно и страшно, и он омрачился еще больше, еще безысходнее, и извивавшаяся кольцами змея мысли его вытянулась во всю длину и замерла, и взвилась обратными кольцами, и свернулась в клубок новой, черной мысли разрушения, гибели и смерти, и дала Люциферу силу своей гибкости, силу внушения людям змеиной мудрости знания...

И задумался Люцифер:

«Надо готовиться к наступлению с правого фланга: борьба

с верой, и от исхода этой борьбы будет зависеть весь успех победы нашей над спасением».

И вздохнул Люцифер вулканическим извержением, и вскрикнул подземными раскатами грома, и прошел страшный гул, от которого содрогнулась поверхность земли.

Люцифер созвал свои легионы и всех союзников, отдавших себя во власть тьмы, и они явились перед повелителем все до единого и, склонив свои чудовищные облики, слушали его наказ.

И он кричал им:

«Эй, вы – обессиленные крестом скитальцы лесов, пустынь, дебрей и болот, – оставившие славу свою в сказках нянек, пугающих детей! Слушайте и исполняйте – я даю вам новую власть и силу черной змеи... Слушайте!

Крест и вера в Распятого победили весь мир, прошли во всю вселенную. Люди стоят уже на пороге у Царствия Божия, которое наступает с неодолимой силой, чтобы привлечь людей к вечному блаженству, к созерцанию той красоты и счастья и полноты разума, которая терзает нас мучениями о невозвратном. Люди сознают уже, в чем счастье и благо жизни; телесными ощущениями, сладостью страстей и пороков уже не прельстить их. Необходимы новые средства, новые способы: тело пока надо оставить в покое. Надо действовать на центр и непременно начинать с правого фланга: уничтожить веру – самый важный передовой форт, и как только этот форт будет взят у людей и разрушен, – мы победили. Для этого необходимо построить такую засаду, которой нельзя было бы людям открыть, и из-за этой уже засады действовать усиленно и непрерывно, но так, чтобы каждый удар казался исходящим с противоположной стороны.

Понимаете ли настоящую военную тактику? Когда врага не видно, нельзя открыть его, – нельзя и победить.

Я даю вам новую силу черной змеи – силу внушения. Внушайте и только внушайте – это могущественное и единственное средство против свободной воли человека, чтобы наклонить ее влево, в нашу сторону, – завлечь таким образом врага и окружить его со всех сторон. Мысленные внушения люди будут принимать за собственные мысли, за приобретения и достижения своего ума и неотразимо будут за ними следовать, строить целые теории, школы и науки, а из них вы обязаны сплетать свою сеть черной змеи, пока ум людей не запутается в ней отовсюду, и они перестанут понимать один другого – где и в чем истина, и не будут даже в состоянии подумать о спасении и выходе и утратят способность желать его. Тогда свет в них поляризуется мраком и станет нашей тьмой, и они станут называть ее светом, и свет будет казаться для них тьмой, и они ополчатся в наши черные сотни и легионы, и левая сторона у них станет правой, а правая будет считаться левой, а эта левая будет считать себя настоящей правой и рабство, плен свой будет считать настоящей свободой, которая есть произвол. Тогда – еще один шаг – и мы погубим все живущее на земле. Люди станут, вместе с нами, стремиться к стихийному разрушению и всеуничтожению».

«Ура! Ура!» – огласилась преисподняя безумными, неистовыми криками черных легионов, разразившимися вслед за тем исступленным хохотом, ревом лютого зверя, металлическим лязгом – тошным, отравляющим, разрывающим душу, понижающим туда, ниже за преисподнюю, в темную вечность, в безысходную пропасть мрака, – в неумирающую, нескончаемую муку... И зашипели черные змеи демонского замысла, и взвились упругими кольцами, и вытянулись в бездну бездны, и замерли, и взвились обратными кольцами, и засверкали глазами ехидны – ядовитыми, тошными, мертвящими, убивающими все живущее... И мрак усилился и сгустился, и наполнился воплями и стонами мучения, и злобы, и бессилия, и жажды погибели – безысходной, вечной, нескончаемой.

И вдруг заискрились, загорелись два огненные глаза, два темные зрачка – черные, как ночь, пронизывающие, удручающие и леденящие, и осветилась преисподняя с легионами чудовищных обликов, и наступила тишина мертвая, страшная и зловещая.

И дал Люцифер легионам своим программу наступления.

«Прежде всего, обольщайте внушениями служителей Церкви Предвечного. Покажите им власть над душами спасающихся, над властелинами и царями и красотою женщин, и возможностью легкого обладания над ними; покажите блага мира, богатства и внешнюю привлекательность обстановки, пышности, роскоши и средства к захвату их. Святое благовествование Воскресшего сделайте орудием в руках их, скрытым от спасающихся, чтобы оно не изобличало преступности их перед людьми. Развращайте их осторожно и постепенно, а когда внушения ваши они примут за свои собственные мысли и желания страстных похотей и обладания душами в тайне и хитрости замыслов, и власть над душами и сокровищами мира обольстит ум и сердце их, и станут они судить, и мучить, и убивать невинных и непокорных им и противящихся лжи и притворству их, и страхом закрепят власть свою, – тогда вы сделали свое дело. Вера в лю-

дях поколеблется, ибо если служители и учители Церкви таковы, подумают они, то вера, которую они возвещают, не спасительна, а гибельна, и они лгут: проповедуют и учат смирению, а сами горды своим преступным и вкрадчивым благочестием; проповедуют чистоту и непорочность, а сами сквернятся блудом, пороками и прельщением женщин и развращением невинных и чистых, проповедуют любовь к ближним, а сами пытают жестокими пытками, жгут на кострах и изобретают мучения*; проповедуют воздержание и нищету духа, а сами распутны, корыстолюбивы, горды, любостяжательны и ненасытны к захвату чужого имущества. И соблазн будет так велик, что немногие устоят; – вера и религиозность станут искушением и подорвутся в корне.

Это дело поручаю вам: легиону Паллады и Молоха. А тебе – легиону черной змеи – поручаю вот что: вы следите по пятам и наблюдайте неотступно за людьми учеными, одаренными талантом и гениальностью. Это избранные и лучшие из людей – они стремятся к изучению природы и дивного для них строения форм ее и проникновению в тайну жизни, для славы Творца и познания Его непостижимой мудрости. Назначение и цель их так ясна и велика, что если они успеют в этом, то вся жизнь людей обратится в хвалу Всевышнему, и люди возвратятся к бессмертию и вечному блаженству, и откроются перед ними вся радость и счастье бытия, и вера станет в них алмазным камнем, а земля, со всеми обитателями ее, – Царством Воскресшего. И тогда все средства борьбы нашей и сроки времени нашего – кончены.

* Это относится к служителям Католической церкви.

Спеши, легион черной змеи! Спешите, служители ее, в область этих избранников, людей науки и гениев славы Креста, и внушайте им осторожно, скрыто и невидимо, – что ничего нет в мире сверхчувственного и таинственного, а в постепенности развития природы во всем разнообразии, красоте и гармонии форм внушите им идею самосотворения, внушите, для крепости впечатления, латинским термином – эволюция; это слово скорее привьется и пойдет в ход, потому что люди сильно пристрастны к наукам и крепко верят посвященным в схоластику. Внушайте осторожно, по мере опытного исследования состава материи и ее форм, с пребывающей в тайне душой и духом – вседержащей силой Творца, – что души этой и животворящей, как ее там зовут, Силы – вовсе никакой нет, – что она лишь кажется, как движение, – простое движение, различное лишь в скоростях, разнообразимых ощущением, или отражением на нервных струнах организма, – а что есть только материя или вещество видимое и осязаемое и в движении своем самотворящее. Это внушение так удачно, что люди легко перейдут к отрицанию существования и души, и Бога – Творца вселенной, и вещество обоготворять, и высшее представление о нем – божественность эту – объединят и увидят в себе, т. е. в уме своем; и возгордятся и восстанут против веры в Единого – Вечного. А увидав служителей Церкви Его такими, какими вы сделали их, окончательно соблазнятся о Боге, и войдут в союз с нами, и признают настоящим прогрессом одну лишь нашу стихийную культурность и нашу свободу, а тогда и наша укрепленная позиция станет совершенно скрытой и недоступной для людей, ибо мы достигли того, что существование наше будут совершенно отрицать,

и удары наши, внушения легиона нашего будут считать исходящими с противоположной стороны, принимая их за дружественные салюты ума своим гениальным представителям. И никому уже не поверят, что мы враги, и всякого, выслеживающего и напоминающего о существовании нашем в действительности, осмеют и причислят к сумасшедшим.

Когда дело в шляпе, – смело наступай вперед. Необходимо действовать как можно настоятельнее и поспешнее, чтобы окончательно отвлечь мысль человеческую от тех небесных областей и надежд бессмертия, ради которых люди блюдут свою нравственную чистоту и обостряют этот докучливый голос совести, напоминающий им о Боге и Его святыне там – в заоблачном царстве, где вечно сияет и манит их немеркнущий свет Истины. С этим голосом совести, с этими вечными, упорными порывами души человеческой труднее всего справиться... Так – вот что.

Слушай, легион черной змеи, и исполняй! – Побольше впечатлений людям – разнообразнейших, захватывающих внимание беспрестанной сменой новизны изобретений и открытий; – смены кипучей, ежеминутной, ежесекундной, – без конца, без устали: новой, и новой, завлекательной, поражающей и приковывающей внимание. Прежде всего – способы быстрого, моментального передвижения воли, мысли, желания, – всего существа. Видеть на расстоянии, слышать на расстоянии, обмениваться мыслями на расстоянии – небывалом, гигантском, поражающем... Сблизить людей, сбить в одну толпу, – прочь от обособленности, от этой индивидуальности – посредством возбуждения любопытства к блеску новизны и небывалому росту

умственной изобретательности. Передвижение паром: железные дороги и паровые лодки, пароходы: шум поездов, быстрое, молниеносное передвижение – до отуманения мысли, – шум, лязг, свистки, громады вокзалов, все с тем же неустанным шумом и гамом, сменой лиц и местностей, и положений – опасных, смелых до наглости, до головокружения, до гибели целых поездов с их человеческим грузом... Телеграфы, телефоны; подъемные машины, воздухоплавательные приборы, аэростаты; фонографы и граммофоны... Электрические двигатели, электрические трамваи, электрическое освещение... Все в руках человека, во власти его ума – человека-царя, владыки над природой, которую он покорил себе... Нет вдохновенного искусства; оно в эстампах, в фотографиях, в олеографиях, в светописи, в быстром механическом воспроизведении бесчисленных снимков... Пишущие машины, машины печатающие, машины швейные; машины сеялки, молотилки, мукомолки и пекарни; машины играющие, поющие и говорящие, живые синематографы...* Долой руки! Долой ручной труд!.. Ум торжествует. Ум – царь; ум – господин; ум – гордость человека. Ему станут поклоняться, его начнут боготворить. И гордо поднимет человек голову, и познает свободу... Зачем ему власть над собою, когда он властвует над всем? Зачем ему кому-то подчиняться, когда ему подчинились силы природы? И познает человек нашу мудрость, мудрость нашей черной змеи, исполнение ее райского предсказания послушной женщине: «Будете все знать – будете как боги».

* Автор вовсе не против культуры в смысле совершенствования и духовно-нравственного развития общества, а против направления и стремлений, какие стараются придать ей темные силы, чтобы покорить культуру себе на служение, сделать ее орудием для достижения замыслов на гибель человечества.

И подымет человек голову, и вызовет на брань Небо, мучившее его испытанием терпения, и ополчится против кротости и подчинения закону, и против смирения, и невинности, и целомудрия, и посмеется над ними, как над слабостью, трусостью и раболепством, и изменит их в свободу стихийного произвола, и сладость чувственных наслаждений будет украшением этой свободы...

Жизнь – движение без перерыва, без устали, в беспрестанной смене впечатлений – потечет всезахватывающим потоком и не даст времени, не даст одного мгновения на воспоминание о Боге и Святыне Его, о жизни мира, любви и стремления к Свету, – туда, где Его Источник и исполнение завета. И ничто Святое, Божественное не будет уже удовлетворять и успокаивать людей, и голос совести заглохнет в них: они будут бежать от него, и боязнь их будет, как смертная мука, и будут искать стадности и бояться уединения, чтобы не заговорила в них совесть. И так, вместо этой младенческой, детской чистоты и святости, которую называют они духовным развитием и совершенством, как учил их Агнец, мы поставим нашу культуру, наш прогресс славы и гордости ума... Зачем этот ненавистный порядок; это подчинение закону, эта власть, объединяющая и сдерживающая движение к ненасытной жажде страстей и упоения всеми красотами чувственной, бесстыдно-привлекательной жизни? Внушайте равенство права упоения, насыщения минутой беспечной, полной, всякому доступной жизни чувства, жизни горячей страсти, упоения до конца, до дна наслаждений!..

Слушай, легион черной змеи и Мамоны! Слушай и действуй!.. Когда природная жизнь людей изменится в искусственную, в жизнь машинного, механического производства, – ручной труд станет не нужен; руки у людей освободятся и развяжутся, а желание жить, жить неудержимо, судорожно, всеми нервами, всеми фибрами тела, всеми впечатлениями минуты, мгновения, всей полной чашей страстного наслаждения радостями и благами нашей, нашей уже культуры, нахлынувшей страстной, всезахватывающей волной, станет расти и шириться непреодолимым желанием испить чашу жизни до дна, до смерти, до агонии наслаждений, – каждому испить, изведать и насладиться; потому что не будет уже веры, не будет надежды, не будет любви, – кроме чувственных наслаждений. Над верой, надеждой и любовью – этими сестрами наивной фантазии людской сами же люди будут смеяться, – как и мы теперь – свободные дети ада... Ха-ха-ха!!! Смейтесь же над ними, смейтесь над безумными безумные!.. Смейся, легион черной змеи!.. Смейся, старый Молох!.. Смотри, смотри и наслаждайся безумием людей!.. Труд, вера и надежда спасали их, давали им покой и чистую радость жизни; в умеренности, в разумном расчете, от жатвы до жатвы, от сбора плодов до нового сбора мирно текла их жизнь. А богачи издавна нам служили, наше дело делали: пресыщались и смеялись над терпеливой беднотой, держали ее в кандалах и тюрьмах, на работах на них, на богачей: на их пресыщение, на их удобства, на их наряды, парчи и моды, на их тщеславный блеск и величие, на их праздных наложниц, на их бесстыдную роскошь и разврат! У них не было ни веры, ни надежды, ни любви и сострадания, и в этом заслуга их перед нами велика. И когда машинное производство убьет ручной труд и массам голодающей бедноты некуда будет приложить рук, –

цель наша достигнута. Пролетариат ощетинится и встанет всемирной грозной лавой... Внушай же, внушай им, легион черной змеи, и ты, старый Молох, – свободу, нашу культурную свободу произвола!.. Теперь справиться нетрудно будет: пусти в моду нашего Маркса и поставь социализм вместо христианских идеалов веры, надежды и любви; вместо той исповедуемой Церкви Агнца, которую нам так ловко удалось разбить, при помощи союзной нам услужливой иерархии ее духовенства, – разбить на бесчисленные части, оспаривающие свое первенство и праведность, в бесконечной вражде и ненависти благочестивых честолюбием пастырей... Наша взяла! Кричи, легион черной змеи, и внушай людям: да здравствует марксизм! да здравствуют социал-демократы! да здравствует рабочий пролетариат! – общность требования насильственного, скорого требования счастья всем, – счастья, удобства и наслаждений нашей культуры – блещущей, заманчивой, – свободной от всяких этих туманных вздохов о высоком и далеком небе... Воплощение там их идеалов слишком далеко; усовершенствование поодиночке слишком продолжительно... Внушайте людям счастье минуты, – наслаждение только здесь и здесь! Внушай всем и каждому силу, энергию, решимость ради социального счастья, счастья всех. Смейся над грехом! Смейся над чистотою и святостью жизни! Смейся над совестью!.. Смейся и внушай крепким внушением: убить, пролить кровь одного, двоих или целого сословия противников ради социального счастья – подвиг и славное дело. Попасть в оковы, в тюрьмы, в подземелья и рудники ради общественного счастья – мученический подвиг и славное дело. Отнять, напасть и ограбить или обокрасть ради социальных целей –

это доблестный подвиг храбрости. Умереть на виселице, на плахе и под расстрелом ради социального счастья нашей культуры – свободы, равенства и братства избавившихся от этих пустых, навязанных людям мечтаний веры, надежды и любви, – это настоящий подвиг, не христианских уже мучеников ради каких-то там вечных благ, а мучеников наших, современных – за реальность, за всеобщее счастье здесь, на земле, счастье полного упоения всеми удобствами и страстными, могучими порывами испить чашу жизни до дна, равноправно для всех и каждого распределенными средствами. И эти славные мученики наши произведут небывалое влияние на общество, потому что смешают понятие о подвиге и кроткой славе мучеников за Агнца, чтобы стать на место их, и отодвинуть память о них, и умалить истину мученического венца их. Эта тактика тоже стоит немало усилий и труда, потому что вам, легиону черной змеи, необходимо усиленными внушениями поддерживать систему казней, уплотняющих и питающих вашу силу сопротивления и уничтожения среди людей заветов Агнца, необходимы для нас, потому что обостряют отношения между народом и правящей властью и приближают историю к нашей развязке, к нашей власти над миром. Понимаете ли вы это – легион черной змеи, и ты, старый Молох, и ты, вечно игривый, вечно смеющийся Эрот – ребенок черной змеи!!! Внушайте же людям изменение понятий! Омрачайте умы!»

И потянулся Люцифер во весь рост, и зевнул содроганием преисподней, и заскрежетал зубами, и от этого скрежета пошатнулись легионы безобразных демонских обликов. И взвилась черная змея мысли Люцифера, и охватила, опоясала его упругим

кольцом, и вытянулась, и снова взвилась упругими кольцами, и свернулась в черный клубок новой мысли разрушения и гибели.

И Люцифер продолжал:

«Слушайте внимательно: и ты, легион черной змеи, и ты, старый Молох, и ты, вечно смеющийся Эрот, ребенок черной змеи, родившийся под райским деревом соблазна!.. Слушайте!

Вам предстоит самое трудное дело, без которого мы ничего не успеем и все замыслы наши бесплодны. Есть одна, самая неприступная крепость у людей. Это – материнство: обновление потомства и его воспитание. Женщина-дева и женщина-мать – вот та неприступная крепость человечества, которую имейте постоянно в виду и ловко, осторожно направляйте в нее свои удары внушения. Если не возьмете, не покорите этой твердыни, – все напрасно, ибо не успеете справиться с одним поколением, как вырастет новое, и воспитается против вас новая сила. В женщине надо взять нам человечество в его настоящем и будущем, взять его целиком».

И вдруг ужаснулся Люцифер при этой мысли и скорчился, как бы от сильной боли. Змея черной мысли вползла в раскрывшиеся от страха его челюсти и скрылась в нем. И затрепетала и потряслась вся преисподняя... С высоты неприступной проник в преисподнюю, как молния, луч чистого света, и поразил тьму, и рассеял мрак. То было напоминание Люциферу о его безумном бессилии и о бесконечном милосердии Творца. И промелькнул перед исступленным взором Люцифера, в небесах, светоносный Лик Пречистой Девы – Матери Агнца, неусыпной, вечной хранительницы и заступницы девственности и материнства женщин.

И опять сгустился в преисподней мрак, и заискрились глаза у Люцифера, и выползла из челюстей его змея черной мысли, и безобразный облик его исказился дерзкой, издевательской улыбкой.

«Знаем эти устрашения!» – продолжал он наглым голосом, пронзительным и тошным, как лязг медного листа под молотом наковальни, и вытянулся гордо, подняв безобразную, косматую руку с длинными пальцами, сдвинутыми в кулак, обнаруживавший белые, острые когти.

«Мы не одни! У нас есть союзник – «венец творения», и с ним еще не так-то и страшно!.. На нашей стороне мужчина, мужской пол, и он поможет нам обделать дело!

Слушай, легион черной змеи, и Мамона, и Молох, и особенно ты, смехотворный и игривый Эрот! Внушайте мужчинам, особенно юношам, прельщение к похоти. Внушайте, что целомудрие это, невинность девушек, стыдливость и вся эта девственная чистота и скромность в молодежи – пустые предрассудки, стесняющие требование природы и мешающие наслаждениям жизнью. Склоняйте мужчин внушением к свободной любви, безбрачной, не стесняющей личности привлекательной возможностью разнообразия. Внушайте отвращение к браку, угнетающему личность, налагающему тяжелые узы долга. Укажите и внушите способы сожительства и гражданских браков без приплода. Медицина и марксисты особенно помогут вам своими популярными изданиями и руководствами произвольного бесплодия с практическим применением способов и употребления особых снарядов и приспособлений при половом наслаждении. Пресса, в этом случае верная наша подруга, окажется могу-

щественным орудием быстрого распространения этих в высшей степени полезных знаний для процветания эротического культа. Это с одной стороны. А когда мужчины развратятся, вкушая с юных лет сладость исповедания эротического культа, и предпочтут законному традиционному браку свободное сожительство со всеми прелестями подавляющей ощущение полигамии, тогда лучшим женщинам, более сильным девственным натурам внушай и внушай антагонизм в отношениях к мужчинам, задевай ловко их самолюбие и достоинство, сознание необходимости эмансипации, самостоятельности труда и уравнения в гражданской равноправности с мужчинами, виновниками ее обездоленности, лишившими ее семейного очага, посягнувшими на ее великие природные права матери.

Нервы у женщины особенно сотканы и чутки к внушениям. Внушай им смело, но осторожно полное уравнение с мужчиной, этой грубой тканью, которая легче поддается идее безумия и сейчас же облекает ее в целую научную теорию, с системой доказательных фактов, приискиваемых к оправданию идеи, как бы она ни была безумна, как это прекрасно удалось вам проделать над ученым старцем, внушив ему в идее «эволюции» мировых форм природы, в законе постепенности, поступательности и закономерности развития их в процессе осуществления представлений Божественной мысли совершеннейшего разума увидеть Его отсутствие, и в дальнейшем развитии и применении этой идеи – исключить из науки веру в Творца вселенной... О!.. Это самая сильная наша сторона и полная победа над умом человеческим, хотя он празднует ее как славную эпоху освобождения... Ну и пускай тешится!..

Но замечай, что женщина дальновиднее мужчины, возвышеннее, чище и Божественнее в своей светоносной красоте души, в своем обаятельном облике, и влияние ее могущественно. Поэтому необходимо сначала постепенно и очень осторожно внушать ей извращение идей женственности, материнства, целомудрия, нежной грации и любви, этой выдуманной людьми идеальной любви. А потом сильнее и сильнее, крещендо – внушай презрение к этим формам чувства, как изобличающим слабость самки, ищущей зависимости и защиты сильнейшей стороны; ловко и умело издевайся и задевай самолюбие... Все то, что в женщине великая сила и свет – представляй в глазах ее бессилием и постыдным малодушием; а главное – продолжай атаку на религиозное чувство, сильно коренящееся в чуткой женской душе, чтобы в один раз извратить в женщинах потомство и убить в нем веру и религию – эти сильные преграды для нашей культуры. Для этого внушай, настойчиво внушай женщинам стремление к высшим наукам, где будет господствовать уже полная наша система эволюционного движения мысли, приводящего рациональным путем опытного познавания – к отрицанию бытия Бога-Творца, бессмертия души и прочих прелестей веры, а чтобы очевидность безумия совершенно прикрыть и дать людям простор мысли, у них живо составится позитивная философия. Тогда женщины пойдут напролом оспаривать у мужчин право науки, добьются поступления в университеты, займут кафедры, будут резать вместе со студентами благоухающие трупы и искать в них души, начала жизни, и, разумеется, не найдут, а чрез постоянное сближение с мужским полом и разви-

тие товарищеской общительности с мужчинами в аудиториях и анатомических театрах, лабораториях, клиниках, на собраниях, конференциях, на школьных скамьях совместного учения и на казенной службе, в разных учреждениях психика женщины естественно поляризуется в однополюсные свойства с мужской, и тогда вся сила обаяния, нежной ласки, женственной скромности и той Божественной привлекательности, развивающей возвышеннейшие чувства красоты и нравственного совершенства, которыми обладает женщина, пропадут сами собой, и мы в женщине будем иметь верную нашу рабу и союзницу с ее громадным влиянием на толпу, при виде мученических подвигов ее в тюрьмах, ссылках и на виселицах, по государственному праву гражданской свободы... О! – это выдающийся, небывалый еще в наших культурных приобретениях вызов Предвечному. Пусть-ка полюбуется теперь на «венец Своего творения!»... Ха-ха-ха!!! Захохотал Люцифер, и страшно исказился его безобразнейший облик широко расплывшимися губами звероподобных челюстей, обнаживших оба ряда острых – стального блеска зубов. И с ним хохотали легионы черной змеи и все чудовища преисподней и пленные души, раболепные союзники, под трепетным страхом окружающего безумия и безысходного отчаяния. И от этого дикого, исступленного хохота всколыхнулась преисподняя, и потряслась поверхность земли.

«Смирно! Слушай!, – скомандовал Люцифер и, когда восстановилась полная тишина, продолжал: – Есть еще одно очень важное обстоятельство, которого никак не упускайте из вида и в точности выполняйте инструкцию.

Часть Церкви верных Агнцу будет крепко держаться Его заветов и состязаться за веру с учеными апостолами нашими, овладевшими большинством умов. Здесь не так-то легко будет справиться тебе, легион черной змеи, и необходимо будет привлечь в помощь наших замогильных пленников... Так вот что сделайте.

Как только подметите среди верных Агнцу желание доказать нашим ученым союзникам существование загробной жизни и высших ее областей, внушите им принять тайные способы магического сообщения с нами и наших чудес от преданных нашей философии йогов и учеников стран разоренного Эдема и осторожно откройте некоторые ритуальные приемы преданных нам масонских лож: ожидания в собраниях и способы вызывания, на которых всегда и везде немедленно занимайте первые позиции, под прикрытием блуждающих покойников, как вассальных нам, так и рабов, которым немедленно появляться на первый же вызов в собраниях. Здесь необходима в высшей степени осторожность, чтобы у ожидающих не было одновременно в мыслях и в сознании имени Единого Святого или Его Агнца. Для этого необходимо мешать им посредством настойчивых тайных внушений и отклонять от сознательного религиозного настроения. Только в присутствии ученых и убитых духом неверующих не производить никаких явлений, чтобы не последовало влияния обратного. Уже одно ожидание со столами и нашими ритуальными приемами – благоприятная для нас сфера, как противная Светоносному Агнцу и Церкви его, мучащей нас своей чистотой и святостью собраний на хвалу Создателю.

Итак, знайте, что собрания магические, под названием спиритических сеансов, – ваше поле и вы – в первых рядах. Отступать – только при исключительном положении, если бы вздумали вмешаться в дело светлые стратиги, Ангелы или святые покойники – служители Агнца, стерегущие души верных. Тогда отступай храбро, не боясь ничтожных неудач; оставят собрание один-два – беда невелика, все равно возьмете остальных крепких. Главное, старайтесь сблизиться с участниками собрания, везде появляясь отрядами, завлекая, пробуждая интерес и любопытство. Прикасайтесь к рукам и другим частям тела медиумов и участников и смешивайте постепенно тонкое вещество вашей темной оболочки с их нервными токами и, таким образом, чего не успеете внушением, того достигнете поляризацией, чрез сообщение им ваших наклонностей воли, так что они будут искать удовлетворения и душевного покоя уже не в общении с Богом, в молитве и вере, а в общении с вами, в сообщениях писаний и бесед ваших и чудес, принимая их за высшее откровение и находя в них удовлетворение стремлению проникнуть в сокровенные тайны. И когда собрания спиритические заменят им Церковь Агнца – тогда мы достигли цели. На сеансах удивляйте и прельщайте собрание всякими чудесами: двигайте невидимо столами и предметами; стучите, играйте на инструментах и звоните, давайте письменные сообщения, подымайте предметы на воздух, пока не наберете силы и состава оболочки у медиумов и участников собрания, и тогда облекайтесь и уплотняйтесь видимо, рекомендуясь именами покойников и укрываясь под обликом их.

Посредством этих временных воплощений, в которых воскресшим покойникам долго оставаться нельзя, чтобы не убить медиума, мы подготовим, чрез смешение с людьми, воплощение и рождение от женщины нашего сына, которого Апостолы Агнца назвали Антихристом. Он сосредоточит в себе всю человеческую ученость, ловко опрокинутую нами вверх дном, и знание всех чудес нашей могущественной магии и воскрешения мертвых. И так как ученые распространят к тому времени новое учение, что Бога нет, а Он есть только представление в человеке о самом себе, то люди примут нашего сына, по его могуществу и силе чудес, за Сына Божия, потому что он силою внушения склонит людей к разделу земли, имуществ и сокровищ, чтобы все были сыты. И тогда общество будет называться не Церковью Христовой, а социал-демократическим союзом на началах полной анархии, подвластной невидимо и тайно только нам. Таким образом, на нашу сторону перейдут и избранники, а если там и останется маленькое стадо верных, рассеянное по лицу земли, то это уже никакого значения для нас не имеет. Тогда, в союзе с человечеством, мы выступим на последнюю, решительную брань против Агнца – Сына Предвечного и поставим на земле свое царство... А если бы и это последнее наступление не доставило нам победы, то у нас останется, по крайней мере, среда наших союзников, которых, при отступлении во тьму внешнюю, мы удержим за собою, чтобы не остаться и там без дела и власти над теми, которые несомненно, по свойству человеческой природы, начнут тосковать и томиться о невозвратном прошлом... Слышишь ли ты, легион черной змеи?! Слышите ли вы, верные слуги мои и рабы?! Это последнее мое слово! Все ли

вы поняли и усвоили достаточным образом?» – крикнул Люцифер свирепым, исступленным голосом.

И преисподняя огласилась неистовым, пронзительным ревом: «Ура!!! Ура!!!»

А Люцифер, вытянувшись в бесстыдную позу, в одно безобразное, бесформенное чудовище, превышающее всякое представление, высоко поднял кулак своей косматой, мускулистой руки и, осклабив стальные зубы, погрозился в пространство. И в то же мгновение, с быстротою молнии, провалился, вместе с легионами, в свою сферу – в пылавшую пропасть, на дно преисподней...

Потому что над землею восходило, по-прежнему, солнце, и цветы возносили к небесам молитвенное благоухание Создателю, и у Престола Его плакали Ангелы о судьбах отпавшего человечества последних дней.

Н. Рышковский

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Пасхальный рассказ

Посвящается Е. А. С.

По убогой, запущенной церкви ходит священник. Кадит и поет: «Хвалите имя Господне, хвалите рабы Господа»... Поет и кадит, а рабов-то и нет: в церкви пусто...

В. Розанов

Уже с середины поста у о. Петра по обыкновению стало создаваться предпраздничное настроение. Самый пост становился о. Петру все ближе и дороже. Он не только привыкал к строгому воздержанию, но находил в нем особенную прелесть и сладость. Пост усугублял радость ожидания. И часто о. Петр думал:

– А некоторые не любят поста. Бог с ними, но я не понимаю: зачем они умаляют радость праздника? В пост как-то углубляешься в мысли о Христе, об Его уничижении, об Его терпении и страстях. В пост страдаешь вместе со Христом, а потом в воскресении вместе с Ним воскресаешь.

И о. Петр простаивал долгие, покаянные службы, довольствовался супом с грибами и чаем с медом, с улыбкой смотрел, как все ниже и ниже падают снежные сугробы, как по утрам покрываются они глянцевитым ледяным слоем, который серебристыми брызгами горит на великопостном – веселом и вместе меланхолическом – солнышке.

– А вот здесь не тает, – говорит про себя о. Петр, когда, проходя из церкви после исповеди, видел близ узкой, извилистой тропинки доску или клок соломы, под которыми снег не таял и стоял маленьким, но задорным бугорком.

О. Петр перебрасывал доску или солому на другое место и радовался, когда, проходя по узкой, извилистой тропинке на другой день, уже не видел задорного бугорка.

– Быстро тает. Скоро Пасха.

И чем дальше шло время, тем напряженнее становилось у о. Петра чувство ожидания праздника. Он чувствовал, будто сердце у него ширится и растет в груди. С половины шестой недели начались уже и приготовления к празднику. В церкви очищались от пыли иконы, киоты, мылись стены и пол, наводился блеск на золотые вещи, на сосуды, приготовлялись лампадки и фонари для иллюминации, пересматривалась ризница, псаломщик в церковной школе устраивал спевки к празднику. Готовили концерт «Да воскреснете Бог». Псаломщик назначал спевки по вечерам около 6 часов. Часов в деревне было немного, а те, какие были, показывали время по-разному. Поэтому некоторые дисканты и альты приходили в школу около 4 часов и раньше. Кроме певчих, к школе собирались любители пения, и около школы всегда толпился народ. От этого казалось, что праздник совсем близко, что его уже

вышли встречать. Школьный сторож Трофимыч чувствовал себя на спевках чем-то вроде героя и виновника торжества, с важностью генерала ходил по школе, зачем-то передвигал парты, делал сердитые замечания шаловливым дискантам и жарко-прежарко топил печку, ни под каким видом не позволяя зажигать ламп:

– Нынче керосин – от дорог.

Пели с восковыми свечами. И это пение в полутьме большой классной комнаты с темными силуэтами слушателей по углам и с красными, дрожащими бликами по стенам от горящих дров в печке придавало спевкам отпечаток чего-то необычного, с одной стороны – торжественного, важного, с другой – спешного, торопливого, экстренного.

О. Петр любил заходить на собрания в школе после вечерен, и необычная обстановка спевок еще более усиливала предпраздничность его настроения:

– Скоро Пасха.

Со Страстной недели начались приготовления и в самом доме о. Петра. Здесь тоже чистили, мыли, скоблили, рубили. Все в доме было в движении, все шумело, суетилось, воскрикивало, восклицало, скрипело, стучало, звенело. В доме о. Петра приготовления велись совсем не так, как в церкви или на спевках, без торжественности и без внутренней сосредоточенности. Здесь – наоборот – все было нервно и иногда вздорно и смешно. И тем не менее, когда о. Петр видел, как кухарка, растрепанная, грязная и сердитая, моя квашню и посуду, беспощадно плескала воду направо и налево и глухо ворчала что-то себе под нос по адресу матушки, – о. Петр и в этом ворчанье кухарки слышал одно:

– Скоро Пасха.

Сегодня Страстная суббота. Последний день... Пасха завтра... Во время обедни за пением «Воскресни Боже» переменили облачение на престоле, на жертвеннике, на всех аналоях. Вместо темного надели все белое, сверкающее. Раскрыли ярко вычищенные подсвечники и паникадила с вставленными в них высокими белыми, с позолотой, свечами. В церкви сразу стало как-то непривычно бело, светло и чисто. После обедни благочестивые женщины еще раз вымыли пол, украсили иконы и подсвечники розовыми и белыми цветами; староста со сторожем расставили по иконостасу и по аркам лампадки с маслом так, что они образовывали вензеля «Х. В.» и целые фразы: «Радуйтеся людие! И паки реку: радуйтеся!», «Несть зде, но воста» и так далее. В 7 часов о. Петр положил начало чтению «Деяний», потом пришел домой, немного закусил, выпил два стакана чаю и, чтобы подкрепиться силами к служению праздничной утрени, прилег отдохнуть, распорядившись непременно разбудить его к половине 11-го.

О. Петр сильно устал от службы и от поста на Страстной неделе. Предыдущую ночь он совсем не спал. Утреню служили около часу ночи. Спать хотелось, но как-то странно было спать в необычайный, таинственный вечер пред пасхальной заутреней. Тем не менее о. Петр прилег. Усталость чувствовалась во всех членах. Все тело как будто каменело, но в груди было так много жизни и острого, горячего чувства праздничной радости, что о. Петр долго ворочался с боку на бок, как это бывает при нервной взвинченности во время бессонницы. Но как бы то ни было, усталость превозмогла напор чувств, и о. Петр забылся.

И каково же было его смятение, его ужас и страх, когда он, проснувшись, увидел, что часы показывают... 1/2 второго.

– Боже мой! – растерялся о. Петр, – полночь давно прошла... Что же это такое! Как случилось?.. Не разбудили... Не разбудили... Как это так? Как это... Но где же все?

О. Петр в замешательстве метался по комнате, хватался то за одно, то за другое, брал не то, что было нужно, путался, задевал за стулья, уронил лампу, разбил стекло у часов.

– Боже мой! Ничего не найдешь... Да где же все? Уехали в другое село? Боже! Что такое? Кто здесь? Кто здесь? – выкрикивал о. Петр.

Кое-как ему удалось набросить на себя рясу, и он с взъерошенными волосами, горячий, потный, стремглав бросился на улицу. Но едва он вышел за калитку двора, как в онемении остановился.

– Что это?

На площади вокруг церкви было совершенно темно и пусто. Ни в одном окне не было видно ни огонька. Не было слышно ни звука. Это совсем не так, как в пасхальную ночь. Тогда церковь и изнутри и снаружи горит сотнями огней. Тогда гул голосов на площади несется далеко за реку и эхом отдается где-то там в горах. А это? Боже!..

О. Петр не мог двинуться с места. Взгляд его упал на деревню. И тут все было, как обычно. Ночь как ночь. Самая обыкновенная ночь. В крестьянских избах темно. Вокруг ничто не зашелохнет. Слышно, как работает на реке водяная мельница.

– Работают! – ужаснулся о. Петр, – в такой день работают!..

И он почти прокричал:

– Не понимаю. Ничего не понимаю.

На крик о. Петра отозвалась где-то на деревне собака. На чьем-то дворе звякнуло ведро, и послышался голос:

– Да тпру, стой!.. Тпру...

Ничего похожего на пасхальную ночь.

О. Петр в недоумении бросился опять к себе в дом. Везде тишина. Но в столовой накрыт стол. Белоснежная скатерть блестит. На ней кулич, сыр, яйца, ветчина, все как нужно для Пасхи. На всем в доме чистота и праздничность.

– Нет... Пасха, Пасха... Но как же так? Что же церковь?..

О. Петр опрометью направился к церкви. Подошел к двери, взялся за скобку – заперта. Посмотрел на сторожку – темно.

– Это все сторож... Прохорыч, – решил почему-то о. Петр, – это он проспал. Он. Потому так это все и... Потому...

О. Петр подбежал к сторожке и беспощадно застучал по подоконнику:

– Прохорыч! Прохорыч! Проспал! Заутреню проспал! Скорее!

Ответа не было.

– Прохорыч! – еще громче кричал о. Петр и еще громче стучал кулаком по подоконнику.

Окно отворилось, но высунулась из него голова не Прохорыча, а кого-то другого, бритого и похожего на швейцара.

– Какой Прохорыч? Что такое? Пожар? Где пожар? – спрашивала голова, – а? что?

– Да проспали заутреню, – горячился о. Петр, – звони скорее... Скорее!.. Понял, что ли? Сегодня Пасха... К заутрене скорее... Ну?

Голова несколько мгновений в недоумении помолчала, потом сощурила заспанные глаза, внимательно и подозрительно окинула взором фигуру о. Петра и, наконец, заговорила:

– Заутреня? Пасха?.. Гм... Чудно!.. Какая такая заутреня?

– О, Господи Боже мой, – волновался о. Петр, – он еще не понимает! Да ведь нынче же Пасха, Пасха... Сейчас заутреню нужно... Пасхальную заутреню...

Голова опять промычала «гм», опять подозрительным взглядом окинула о. Петра и, изобразив гримасу удивления и досады на лице, промолвила:

– Я сейчас к вам выйду.

Через несколько минут пред о. Петром стоял человек, одетый в какую-то форменную одежду и похожий не то на швейцара, не то на английского кучера.

– Простите, – начал он, – я вас совсем не могу понять. Прежде всего, скажите, пожалуйста, – кто вы?

– Как кто? – почти с плачем отвечал о. Петр, – я здешний священник! Священник здешний! И сегодня Пасха. Нужно служить, но я проспал, и все проспали... Что же вы молчите? Господи! я тоже ничего не понимаю.

– А я начинаю понимать, – с расстановкой произнес человек в форме, – вы, очевидно, слишком много занимались своими делами или еще что-нибудь такое и упустили из виду, что теперь не существует ни Пасхи, ни заутрени, ничего такого...

У о. Петра зашевелились волосы на голове. Он стоял и широко раскрытыми, неподвижными глазами смотрел на человека в форме.

– Вот, присядьте, прошу вас, – предложил сторож, – здесь у меня скамейка. Вы очень слабы. Или – если угодно – я провожу вас до дому?

– Куда проводить? До какого до дому? – простонал о. Петр, – я хочу служить. Пасха, Пасха сегодня. Сегодня великий праздник...

– Ах, да нет же, – раздражаясь уже, проговорил человек в форме, – я же вам говорю, что теперь упразднены все праздники.

И вдруг словно молния прорезала мысль о. Петра. Он вспомнил, как недавно совсем, кажется ему, недавно кто-то говорил, что у нас слишком много праздников, что храмы, попы и церковные школы – это только один вред для народа, что службы и пост – это только доходная статья для духовенства и так далее, и так далее. Вспомнил о. Петр и о том, как раз один мужик, когда о. Петр говорил ему о необходимости говения и исповеди и пользе бодрствования над душою, дерзко и нетерпеливо сказал ему:

– А плевать бы я хотел на все это. Какая там еще душа? Брюхо – вот это я понимаю. Да вот разве еще кулак. А остальное? Да по мне вы свои церкви хоть запечатайте совсем. И не почешусь.

О. Петр понял все и тихо уже, робким и убитым тоном спросил:

– Значит, запечатана?

– Да. Запечатана... То есть не то чтобы совсем запечатана... Иногда отпираем. Для посетителей. Интересуются некоторые, как это там было раньше.

О. Петр улыбнулся неестественной, болезненной улыбкой.

– Как музей? – спросил он, глядя исподлобья.

– Вот-вот. Как музей. Именно...

– Пустите меня! – тихо и просительно проговорил о. Петр, и в тоне его голоса слышалась невероятная скорбь, гнетущая тоска и вместе огненное желание быть в церкви, видеть святой алтарь, а также и боязнь, что человек в форме не пустит его в церковь. Ведь теперь все зависит уже от него.

Человек в форме с состраданием посмотрел на о. Петра и проговорил:

– У нас вход бывает открыт только два раза в неделю от 12 до 3-х. Вот пожалуйте во вторник. А теперь уже и поздно.

– Но ведь нынче же Пасха, Пасха! Как же во вторник! – прокричал о. Петр, – а как вы пускаете? За плату?

– 15 коп. с персоны.

– Послушайте! – схватил о. Петр сторожа за руку, – я вам заплачу 15 рублей. Мало? Я вам отдам все, что у меня есть. Но пустите меня сейчас. Сейчас.

Сторож постоял с минуту в нерешительности.

– Ну уж что с вами делать! – решил он наконец.

Когда сторож, запасшись фонарем, отпер знакомый о. Петру замок знакомой ему тяжелой, обитой железом и скрипучей двери, им овладела нервная дрожь.

Господи, спаси и помилуй! Господи!

Сторож смотрел на о. Петра с удивлением.

Отперли и вторую дверь, и о. Петр очутился в церкви.

Чем-то непривычным и жутким пахнуло на о. Петра. Повидимому, все в церкви было, как и раньше. Осталось все прежнее. Да. Прежнее, прежнее. Вот прежние иконы. Те самые, пред которыми о. Петр отслужил столько литургий, отпел столько молебнов и акафистов, перед которыми ставил свечи и кадил ладаном. И сколько глаз устремлялось, бывало, к этим иконам, сколько пред ними было пролито слез и горестных, и радостных, и благодарных!.. Те самые иконы... Тогдашние... И все тогдашнее... И плащаница здесь, у стены. И панихидный столик... И этот ореховый киот с иконой Пантелеимона. Да все, все... Но как все это посиротело, как одиноко все и уныло. Подсвечники покосились – и да, да – покрылись ржавчиной. Вот, видно даже

при фонаре. Резьба искрошилась и то там, то здесь валяется на полу. Под ногами даже трещит. О. Петр поднял веночек с потускневшей позолотой. Но куда его? Он был там, наверху киота. О. Петр бережно положил веночек на окно. Руку его сейчас же опутала густая, липкая паутина. Батюшка пошел дальше. Под ногами хрустела резьба и трещали стекла. Должно быть, были разбиты окна. О. Петр взглянул вверх. По арке были расставлены стаканчики. Можно было разобрать вензеля.

– Боже мой! – обрадовался о. Петр, – как тогда!

Но многие стаканчики выпали и с застывшим маслом валялись на полу.

– Какое запустение! – подумал о. Петр, – хоть бы убрали...

Ходя по церкви из угла в угол, о. Петр с нежностью, с чисто материнской ласковостью дотрагивался то до одной вещи, то до другой, прижимал к себе, подолгу держал в руках, целовал и крестился.

Пришли на клирос. Все было по-прежнему. Вот столик, за которым читали шестопсалмие, часы и проч. Вот место, где всегда стоял бас Никанорыч. Шкапик с книгами. И книги все те же... Апостол, часослов...

– Боже мой! – пугался о. Петр, – ужели это я? Я, о. Петр, здешний священник? И ужели это та церковь, где я служил? Боже мой!

О. Петр прошел на амвон. Все по-старому. Обратился к западным дверям и долго стоял неподвижно.

– Это Пасха? – думал он, – а бывало? А? Сколько радостных, оживленных лиц видно было с этого амвона! Какой чувствовался религиозный подъем! Праздничные одежды, бывало... Свечи в руках...

– Мир все-ем! – протянул о. Петр, и голос у него оборвался. Лицо перекосила судорога.

– Можно ли больше надругаться над верующей душой? – подумал он, – поистине зол и мстителен сатана. Где пасхальные цветы? Где огни пасхальные? Где радость? Где восторг? Где ликующие гимны? О-о!..

О. Петр отыскал в шкафе цветную триодь и открыл ее на первых страницах.

Сторож поставил фонарь в сторону, а сам присел на сундук в углу и задремал. О. Петр попробовал читать по триоди, но было темно.

– Нет ли где здесь свечи? На клиросе всегда были свечи... Действительно, тут же на окне оказался желтый огарок, твердый, как гвоздь.

О. Петр подошел к фонарю и приложил огарок к огню.

Огарок затрещал, и о. Петр радостно улыбнулся. Он всегда любил этот треск свечи ранними утрами, когда он еще до рассвета приходил в церковь и сам зажигал первую свечу. Он и вообще любил свечу, именно желтую, восковую, такую пахучую. Любил ее запах, ее скромный и пугливый огонек, любил он молиться со свечой. Она как будто зажигала что-то в душе, как будто говорила ей что-то. Она сама была как будто что-то живое и нежное. О. Петр долгим, любовным взглядом посмотрел на свечу и поднес ее к триоди.

Им опять овладела нервная дрожь.

Какие слова! Как все это близко! Как дорого!

«Об час утреннем параекклисиарх... вшед во храм, вжигает свещы вся, и кандила: устрояет же сосуды два со углием горя-

щим, и влагает в них фимиама много благовонного... яко да исполнится церковь вся благовония. Таже настоятель... со иереи и диаконы облачатся в весь светлейший сан».

И дальше:

«Сей день егоже сотвори Господь, возрадуемся»...

Знакомые, любимые, священные страницы! Помнит о. Петр, как, еще будучи учеником духовного училища, любил он Великим постом заглядывать в эти заветные страницы и как тогда еще святые и торжественные слова наполняли его благоговейным трепетом.

О. Петр медленным шепотом читал страницу за страницей:

«Очистим чувствия и узрим... Христа блистающая... Да празднует же мир... Христос бо воста... Веселие вечное.

– Вечное! – остановился о. Петр и продолжал читать дальше: – ...из гроба Красное правды нам возсия Солнце... О, другини! Приидите вонями помажем тело живоносное... Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь: се бо прийдоша к тебе, яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословящая Христа вовеки!

– Вовеки... Вовеки... – повторял о. Петр.

В глазах у него зарябило. И дышащие радостью слова священных песен, и восковые капли на листах триоди, и какой-то особенный, ни с чем не сравнимый запах от церковных кожаных книг – все это казалось о. Петру до того сродным, во всем этом было так много души о. Петра, а также души его отца, деда, прадеда, души дьячка Ивана Кузьмича и всех его предков, души церковного старосты, церковного сторожа, здесь было так много подлинной, живой души каждого русского мужика, всего

русского народа, что взять все это и куда-то запереть, взять цветную триодь и не дать возможности держать ее в пасхальную заутреню пред радостными, возбужденными лицами певчих, не капать на ее листы воском, не петь по ним веселыми играющими напевами сладостных песней, – да это... это невозможно? Это просто невероятно! Это значит взять душу у о. Петра, у Ивана Кузьмича, у всех мужиков, у всего народа и совершить над этою душою, живою и не думающею умирать, совершить какое-то тяжкое и гнусное преступление... Нет! Это невозможно. И не может быть сомнения, что вот нынче же, сейчас, в эту же ночь запоют по старым, закапанным страницам триоди, оживят эти страницы, а также жизнью наполнят и все вокруг... Это несомненно.

Но о. Петр оглянулся назад, увидел грязь и пустоту церкви, услышал храп сторожа в темном углу, и стремительный поток его радужных мыслей разом оборвался. Он посмотрел на книгу, горько усмехнулся, оглянулся на сторожа и робко, стыдливо как-то спросил:

– А послушайте... Господин!.. Послушайте... Можно здесь немного попеть? Я потихоньку бы... А?

Совсем было заснувший сторож приподнялся на локоте, посмотрел вокруг, увидел, что ничего особенного не произошло и пробормотал:

– Ладно... Пожалуйста...

О. Петр торопливым шагом на цыпочках подошел к ризничному шкафу и отворил его. Двери на ржавых петлях заскрипели незнакомым, режущим звуком. О. Петр брал то одну ризу, то другую...

– Вот, вот она... Пасхальная, – произнес он и, благословив белую, отсыревшую ризу, облачился.

Торопливо и осторожно, куда-то спеша и чего-то опасаясь, прошел он в алтарь. Стал пред престолом и неуверенным, дрожащим от волнения голосом возгласил:

– Слава святей... и неразделимей Троице...

И сам же запел:

– Ами-инь.

И затем продолжал:

– Христос воскресе из ме-ертвых, смертию смерть попра-ав...

Голос о. Петра звучал в пустой, заброшенной церкви глухо и странно. И в звуках этого одинокого голоса пустота и заброшенность церкви сказывались как-то резче, больнее и несноснее.

– И сущим во гробе-ех...

Но здесь голос о. Петра опять оборвался. Он бессильно опустился пред престолом на колена, положил на него свою голову и громко и безудержно зарыдал:

– Господи, Господи! – говорил он между рыданьями, – великий Боже! За что такое наказание? За что мука такая? Ужас, ужас! Господи! Лучше возьми меня от этого кошмара. Возьми к Себе. Господи! Возьми к Себе. Или пошли, Господи, людям веру. Пошли любовь. Утверди, Господи, веру их. Растопи лед их сердец. Воскресни, Господи, в душах наших. Соедини нас во имя Твое. Господи! Помоги неверию нашему. Или... возьми... возьми меня к Себе... Не дай мне видеть этого страшного позора... Возьми...

О. Петр рыдал все громче. Все его тело судорожно вздрагивало. Он чувствовал, что облачение престола стало мокро от его слез. Но слезам как будто не было конца.

– Господи! Возьми, возьми меня к Себе...

– Батюшка, а батюшка! – раздалось вдруг над ухом о. Петра, – да батюшка. Господи, заспался что-то... Батюшка! К утрени пора! В Новоселках благовестят уж. И у нас все готово. Батюшка!

О. Петр вскочил со своей постели встрепанный, раскрасневшийся от волнения, потный.

Несколько секунд он, как пораженный громом, стоял неподвижно напротив церковного сторожа Прохорыча и не говорил ни слова.

Потом он порывисто перекрестился раз и другой. Оглянулся кругом, внимательно осмотрел Прохорыча и вдруг засмеялся веселым, радостным смехом.

– Так это, значит, сон! – вскричал он, – слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи!

Он обернулся к иконам и опять перекрестился.

– Али сон худой приснился, батюшка? – спросил недоумевающий Прохорыч.

– И не говори! Такой худой сон... – отвечал о. Петр и побежал умываться.

– Значит, сон, сон, – повторял он одно и то же, – слава Богу. Но какой же это был ужас! Какой ужас! Господи, благодарю Тебя! Это был сон... Да конечно. Как же могло быть иначе? Разве это возможно в действительности? Безусловно, нет. Это просто нелепо. Это совершенно невозможно. Этого никогда *не может быть*. Да. Да. *Не может быть*.

О. Петр выглянул на площадь. Церковь была вся в огне и поднималась к небу как одна колоссальная свеча. Вокруг церкви копошился и гудел народ. Собирались жечь смоляные бочки.

– Конечно, конечно, – торопливо говорил о. Петр, – ничего того не может быть. Не может быть. Такой праздник... *Не может быть...*

Когда о. Петр, одевшись, вышел на улицу, на него тепло и ласково пахнул весенний ветер. Слышался запах прелой земли и распускающихся почек. В мягком и влажном воздухе плавными, но упругими волнами колебались звуки торжественного, чистого благовеста в соседних селах.

– Как хорошо! – вырвалось у о. Петра, – что может сравниться с этой ночью?

Войдя в церковь, о. Петр увидел горящие вензеля, алтарь, сияющий огнями и цветами. Изображение воскресения все было увито цветами, белыми, розовыми, и казалось, что это Христос идет по цветам в саду Иосифа Аримафейского, чтобы сказать Магдалине и прочим:

– Радуйтесь.

О. Петр начал службу с особым подъемом чувства, с каким-то необычным трепетанием в груди. Он пред своими глазами видел все то, чего так беспомощно искал в кошмарном сне. Радость его была беспредельна и слышалась в каждом звуке его голоса, виделась в каждом его движении. Ответным аккордом эта радость о. Петра поднималась со глуби сердец богомольцев.

Когда после пения пред закрытыми дверями о. Петр вошел в искрящуюся огнями, наряженную цветами, блистающую церковь и до пафоса напряженным голосом возгласил: «Христос воскресе!» – религиозное возбуждение народной массы достигло апогея.

– Воистину, воистину воскресе! – гудела и ревела она, – воистину!..

И в этом «воистину» было что-то стихийное, здесь выражалось что-то непобедимое, как всякая стихия, что-то вечное, не подлежащее умиранию. В этом стихийном «воистину» выливалось все лучшее, что есть в человеке, все подлинно человеческое и свыше человеческое, здесь духовное, Божественное начало в человеке как бы облекалось плотью и костьми, принимало конкретные формы и становилось очевидным, осязаемым, реальным...

– Воистину!

– Христос воскресе! – еще и еще возглашал о. Петр под аккомпанемент ликующего пения.

И в ответ ему еще и еще несся стихийный гул, заглушавший и голос о. Петра, и пение всего хора:

– Воистину, воистину!..

А о. Петр в этом гуле слышал свое собственное:

– Не может быть... Не может быть...

И он служил с такой силой чувства, с такой любовью ко Христу воскресшему и с таким огнем священного воодушевления, как казалось ему, никогда раньше.

– Как хорошо-то, батюшка, как хорошо, – прошептал сторож Прохорыч, подавая о. Петру в конце заутрени трехсвечник, – как в раю... И солнце играет...

В глазах старика стояли слезы.

И о. Петр не удержался и заплакал. Но не теми слезами тоски и отчаяния, которыми он так недавно – казалось – плакал пред этим же престолом, а слезами детской радости и чистого восторга.

И. Колосов

СЛОВО
в Неделю 28-ю по Пятидесятнице
Господи, имя Тебе – Сила, подкрепи же нас всех, изнемогающих и падающих

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сию же дщерь Авраамлю сущу, юже связа сатана се осмоенадесяте лето...
Лк.13,16

Дорогие мои, други наши! Сегодняшнее воскресное евангельское чтение особенно дает нам повод говорить о бытии диавола, о разрушающей, смертоносной деятельности его. И жизнь наша теперешняя настоятельно требует, чтобы мы все очень внимательно отнеслись к этой теме. Ибо незнание наше, или стыдливое замалчивание, или даже и отрицание бытия этой страшной силы делает нас пред ней совершенно безоружными, и она может вести нас, как овец на заклание, в погибель. Ведь мы порой, и даже часто, перестаем понимать, где свет, где тьма, где жизнь, а где смерть.

И самой большой победой этой силы, без сомнения, надо признать то, что многим поколениям людей она внушила, будто ее совсем нет. Но до некоторого времени, пока духовное зрение людей еще не было совершенно помрачено, диавол действовал

осторожно – силой внушения. Теперь же, в наше время, когда наша беспечность и духовный сон обнажили нас от покрова Божией благодати, от силы духа, диавол встает перед нами во всем своем злобном обличии, он выступает как живая, ощутимая, действенная сила, и сила лютая.

Господь в свое время возвестил всем живущим на земле и верующим слову Его предостерегающее и должное настораживать и призывать к особенной бдительности слово Свое: «...Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию...» (Лк. 10, 18).

А в другом месте Писания говорится, что не нашлось ему места на небе, и в страшной ярости сошел он на землю, чтобы ходить по ней, обитать на ней и рыкать, аки лев, ища, кого поглотить (ср.: Откр. 12, 9, 12; 1 Петр. 5, 8). И стал он, губитель-диавол, «князем мира сего», а вместе с ним водворились и властвуют на земле бесчисленные полчища его клевретов. И с тех пор местом обитания их стала глубокая бездна, которая отделяет Церковь воинствующую от Церкви Торжествующей.

А самый первый и горький опыт его коварной власти на себе понесли наши праотцы Адам и Ева, ибо его стараниями они познали сладость греха и вкусили горечь смерти. А он с тех далеких времен без устали делает свое дело. И главной его задачей на все времена была, есть и будет борьба с Богом за души людей, где место битвы – сердца человеческие. Все совершается там: там уместится и бездна ада, и там – искра веры, сохраненная Богом от тлетворного дыхания вражия, родит пламень Божественной любви – ходатая вечной радости.

И нам с вами, дорогие мои, надо пристально всматриваться во все происходящие вокруг нас и лично с нами события. Надо

знать свое сердце, ибо невнимание и незнание не оправдают нас в день Страшного Суда, который неотвратимо приближается к земле.

«...Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его...» – скажет Сын Человеческий тем, кто не знал, кто не хотел знать (Мф. 25, 41).

А примеров одержимости и насилия над людьми бесовской силы много в Писании: это и сегодняшний евангельский образ женщины, восемнадцать лет согбенной (связанной) от диавола; это и двое одержимых, живших во гробах (в могильных склепах), разрывавших страшной бесовской силой кованые цепи, коими пытались их связать, совершенно не управляемых разумной силой; это и бесноватый, которого бес, желая погубить, бросал то в огонь, то в воду; и многие другие примеры (см.: Лк. 13, 11–16; Мф. 8, 28; Мк. 5, 4; Мф. 17, 15).

И никогда Господь, исцеляя бесноватых, не называл беснование естественной болезнью. Он прямо признавал виновниками ее бесов и изгонял их.

Но эти примеры по жестокосердию нашему и недомыслию не трогают нашего сердца, когда мы читаем или слышим о них.

Ведь это было когда-то и где-то, а многие даже имеют дерзость в глубине сердца усомниться в примере чужой жизни, а некоторые идут и еще дальше, неверием отвергая слова Божественного Писания.

Но теперь нам с вами уже не отдаленные примеры, а наша собственная жизнь дает почувствовать насилие, тиранию над нами и самого диавола, и сынов противления, то есть людей, которые стали исполнителями злой воли диавола на земле.

Вслушайтесь внимательно, дорогие мои, в слова святого пророка Божия Исаии, вслушайтесь и вдумайтесь в откровение этого ветхозаветного богослова. Не о нас ли, не о нашем ли времени говорит пророк, живший за 759 лет до Рождества Христова?

«Земля опустошена вконец и совершенно разграблена... Сетует, уныла земля; поникла, уныла вселенная; поникли возвышавшиеся над народом земли. И земля осквернена под живущими на ней, ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет. За то проклятие поедает землю, и несут наказание живущие на ней; за то сожжены обитатели земли, и немного осталось людей... злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски... Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается... и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет и уже не встанет» (Ис. 24, 3–6, 16, 19–20).

Да эти слова – о нас! Это мы преступили Закон Божий! Это мы нарушили Его завет! Это мы забыли Бога! И наша матушка-кормилица земля уже рождает одни терния и волчцы от злобы живущих на ней. И небо, когда-то дарившее людям светлый дождь жизни и плодоносную росу, сеет на наши головы химическую отравляющую влагу, и ветер Чернобыля обжигает мир своим смертоносным дыханием. И разгул зла, лукавства и вражды идет по земле. И нет молитвы, чтобы залить этот пожар зла, нет духовной силы, чтобы предотвратить грядущую гибель.

Неужели все это сотворил человек?!

Нет, дорогие мои, возможности человека ограничены, и срок жизни его – семьдесят, от силы восемьдесят лет. Иногда он не успевает даже и осознать своего назначения на земле, как уже

сходит в могилу. Нет у него ни времени, ни могущества, ни воображения посеять столько бед и зла, чтобы хватило на все человечество.

Все то малое зло, которое успеваем натворить мы, грешные люди, приводит в совокупность великий дирижер – сатана, тот, кто сеет в нас малое. Он сеет малое и выращивает малое в большое. И это называется «тайной беззакония». И тайна беззакония восходит от силы в силу именно потому, что вконец ослабело наше сопротивление ей, оскудело наше понятие о ней.

Мы в своем обольщении забываем Бога, забываем небо, забываем вечность. На этой почве полного погружения людей в плотскую жизнь разрастается всепоглощающий разврат.

Младенцы, зачатые в беззаконии, появляются в мир больными, от рождения одержимыми духом злобы, часто они лукавством превосходят взрослых. Отроки, не зная детского простодушия, играют во взрослых, в одуряющих химических веществах они ищут особых видений и ощущений, зачастую находя в них смерть. Юноши и девушки, не зная самого понятия невинности и чистоты, погружаются в болото такой грязи, о которой помыслить страшно и срамно глаголати. Наркотический угар для многих становится единственно реальной жизнью. А грохот бесовского шума, ворвавшийся в дома наши с телевизионных экранов, оглушил, одурил всех, от малого до большого, вовлек всех в водоворот адского кружения, поработив души насилием.

И мы, не задумываясь, а значит, добровольно, впускаем в дома свои телевизионных колдунов всякого рода и учимся у них, как быстрее и надежнее безвозвратно погубить душу. Цепи, скованные из тьмы предательства, измен, стихийной гордости,

лжи и самомнения, все крепче опутывают наши сердца, связывают наш ум, наши руки, все наше существо. И мы становимся не способными ни к чему доброму. И светлый Ангел-Хранитель стоит поодаль, оплакивая сердца наши, ставшие игралищем бесов.

Нормой жизни становится – ходи по трупам задавленных тобою, рви кусок из чужого рта и плюй на всяческие заветы. А тот враг, что посеял страшные плевелы злобы и гордыню лжеименного разума, он – человекоубийца искони, лжец и отец лжи – любуется плодами дел своих. Он преуспел. Он одолел людей. И Бог теперь не столько отрицаем, сколько вытесняем из сердца человека различными пристрастиями и житейскими попечениями. Бог просто забыт.

«Даждь Ми, сыне, твое сердце...» – просит, зовет Господь (Притч. 23, 26). Да где оно, наше сердце?! И есть ли еще оно?.. Если и есть, то нет в нем уголка – местечка для Бога, для света и тишины, для мира и любви. И страшно нам, что свет Божий откроет для нас самих страшный хлам нашего сердца. И мы опять гоним Бога и бежим от всего, что может обнаружить наше истинное лицо.

Да это опять и не мы, дорогие мои, а все тот же человекоубийца, увлекающий нас все дальше и дальше к отпадению от спасения, уготованного людям Сыном Божиим. Враг сам уже вошел в наше сердце и овладел им.

Но не мог он этого сделать без нашего согласия. Ведь Премудрость Божия так сотворила человека, что без него самого или против его воли ни спасти, ни погубить человека нельзя. И мы сами, отвергая Бога неверием или веруя в Бога, но отвергая заповеданные Им дела, отвергаем свое спасение. И, не принимая темную, безвидную, страшную силу диавольскую, но делая дела тьмы, мы сами отдаем себя в ее руки, мы сами готовим себе бездну ада.

Так знайте же, дорогие мои, что диавол не иначе проникает в нас, как овладев нашим умом, нашими помышлениями. У одних он похищает из ума и сердца веру, в других его смрадное дыхание испепеляет страх Божий, третьих, поразив тщеславием, он ведет в плен многих страстей, ибо тщеславие и гордыня рождают такие пороки в нас, что открывают врата души всем бесам. И человек не замечает, как становится одержимым.

Нам надо твердо помнить, что основной отличительной чертой диавольской брани является приспосабливаемость, что брань с нами злые духи ведут непрестанно, и разнообразию ее несть числа.

Главное же – надо непременно знать, что подход их к нам незаметен и действие постепенно. Начав с малого, злые духи постепенно приобретают великое влияние на нас. Бесовская хитрость и лукавство, как правило, услужливо идут навстречу нашим же желаниям и стремлениям, даже доброе и невинное они способны превратить во оружие свое.

Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь, кто уже состарившись в скверне греха, кто отчаявшись разобраться в превратностях жизни и разочаровавшись в ее приманках, а кто – задумавшись о смысле бытия. Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу.

И Бог открывает им Свои отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает

Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить.

Но нет! Великий «ухажер» – диавол на самом пороге Церкви похищает у большинства из них смиренное сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а «вваливается» в Церковь со всем тем, что есть и было в нем от прожитой жизни, и в таком состоянии сразу начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что и изменить пора.

Он «уже знает, что такое благодать и как она выглядит», еще не начав быть православным христианином, он становится судией и учителем. Так снова Господь изгоняется им из своего сердца. И где? Прямо в Церкви.

А человек этого уже и не почувствует, ведь он находится в Церкви, ведь он пролистал уже все книги, и ему уже пора и священный сан принимать, а ей уже пора одеваться в монашеские одежды.

Но, дорогие мои, они примут и священный сан, они примут и монашество, но все это уже без Бога, водимые той же силой, что вела их в жизни до прихода в Церковь и что так ловко обманула их и теперь. А дальше жди и других исключительных, возможных только на почве искаженной веры явлений.

Без труда, без борьбы и без крестных страданий воспринятое – без жизни, христианство только по имени, а значит, и без Бога, и явит различные обольщения в видениях и откровениях.

Диавол будет руководить своей жертвой внутренними голосами, а у кого-то заполнит ум, пленит сердце хульными образами и словами. И горе, если человек – невежда в вере, если снова не ринется он за помощью к Богу, готовому помочь даже и изменнику.

И надо нам с вами всем помнить, что в душе светлой и чистой даже одна какая-нибудь брошенная от диавола мысль тотчас произведет смущение, тяжесть и сердечную боль, в душе же, омраченной грехом, еще темной и оскверненной, даже само присутствие вражье будет неприметно. И этой неприметности помогает сам дух злобы, ибо она ему выгодна. Он, тирански властвуя над грешником, старается держать его в обольщении, убеждая, что человек действует сам собой, или внушая, будто Ангел, светлый образ которого принял лукавый, уже почтил жизнь этого человека своим явлением.

Обольщенный, как мотылек, летит на призрачный свет бесовского видения или откровения, которое смертельно опалит его душу. Он желал чуда, искал откровения, и оно явилось. А у человека даже и мысли не возникает о своей во грехе прожитой жизни, которая уже стеной стала между ним и Богом. Сколько еще надо трудиться, чтобы эту стену разбить, чтобы увидеть свет истины!..

Трудно обмануть истинно верующих. Смирение и страх Божий предостерегут, а Дух Святой, охраняющий их, откроет им правду и наставит на всякую истину. Да и знают они со слов Самого Спасителя Христа, что должно прийти соблазнам, и остерегаются их.

Из житий отцов-подвижников известно, что они узнавали беса, являвшегося им даже в образе Христа. Духовная же слепота едва ли не большинства современных людей, хоть и именующих себя христианами, увлекает их все умножающимися бесовскими соблазнами.

Уже теперь мы слышим и читаем в периодической печати о всяких явлениях-знамениях то на небе, то на земле: о све-

тящихся летающих объектах, о «добреньких» инопланетянах, о «барабашках», которые вторгаются в жизнь наших современников, навязывая им определенные нормы жизни и поведения уже не в помыслах, но зримо, делом, творя мнимые чудеса, приучая соблазнившихся полному послушанию себе. Есть даже случаи самоубийств, совершенных по внушению этих «опекунов». И никого не смущает такой их наплыв, ни у кого не возникает мысль: а откуда же они, почему пришли и где были раньше? Но даже если бы кто-то все эти явления в той же печати назвал своим именем, сказал, что это разгулявшиеся, разыгравшиеся с омраченным, обезбоженным миром бесы, у читателей все равно не было бы уже способности осмыслить и понять, что же несут в себе эти явления и игры.

А новые, открывшиеся в последнее время способности целительства духовным прозрением, ясновидением и прозорливостью у многих, очень многих людей всякого возраста, с разным образованием? От юноши, с грехом пополам осваивающего школьную программу, до преподавателя вуза, от тетушки-домохозяйки до дамы, образованной во всех отношениях.

Поразительно, что большинство из них, не обремененные никакими знаниями в области медицины, воспринимают открытие как дар неба.

Дар-то дар! Но от кого и зачем, что может принести он «врачу» и больному? «Врачу» он принесет бесовскую гордыню, а доверившемуся ему пациенту – нарушение всех душевных и духовных сил – одержимость.

Но это будет потом. А пока все хотят быть здоровыми *любой ценой*. И это снова – богоборчество.

Христианин истинный, а не по имени только и моде, непременно вспомнит в связи со всеми этими явлениями, как поступили святые апостолы, встретив девицу, имеющую духа прорицательного и доставляющую тем доход своим господам (см.: Деян. 16, 16–18). Вспомнят верующие и отбегут от духа лестча, а остальные и сами погрузятся в губительный обман, и повлекут за собой многих.

Все это, дорогие мои, – знамение времени. Все это значит, что христианство, как дух, неприметным образом для суетящейся, служащей миру толпы удаляется из среды человеческой, оставляя мир на окончательное падение.

И у всех живущих на земле возникает в наше время предощущение грядущей катастрофы, но человечество, томимое тяжелым предчувствием, не хочет остановиться, задуматься, понять, что же с ним происходит. Диавольские силы поработили ум и сердце живущих грехом, который согнул и исказил человека настолько, что он перестал видеть Бога, он уже не может выпрямиться, чтобы ум его осиял свет Божественной истины и тьма исчезла.

Так вспомним же, дорогие мои, как одним мановением Спасителя, одним Его словом, словом Божественной любви выпрямилась согбенная, страдавшая от насилия диавола восемнадцать лет.

Припадем к Спасителю Христу с мольбой и любовью, отрясем узы греха, отбежим соблазнов и обольщений диавольских. Припадем к Спасителю – именно этим мы сможем противостать диаволу, и убежит он от нас.

Научимся же понимать и беречь добро души своей, будем сторожить входы в свою душу, научимся видеть себя, тогда мы обнаружим все дела, все козни диавола внутри и вокруг нас. Так помолимся, чтобы дал нам Господь бодрый ум, трезвую совесть, открыл духовное зрение. И главное, никогда не будем забывать об исконном враге, воюющем на род человеческий.

И, помня, что сила борителя крепка, а наша сила немощна, смиренно припадем несомненной верой к Тому, Чья сила сильнее всякой другой.

Господи, имя Тебе – Сила, подкрепи же нас всех, изнемогающих и падающих. Аминь.

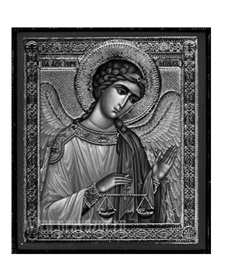
Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)
25 ноября (8 декабря) 1991 года

МОЛИТВЫ
к семи Архангелам Божиим на всякий день седмицы

Понедельник

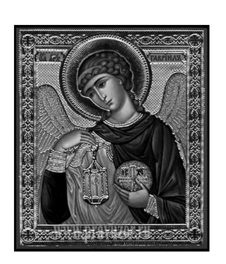
Молитва святому Архангелу Михаилу

О, великий Архистратиже Божий Архангеле Михаиле, победитель демонов! Победи и сокруши всех врагов моих, видимых и невидимых, и умоли Господа Вседержителя, да спасет и сохранит меня Господь от всех скорбей и от всякой болезни, от смертной язвы и от напрасной смерти, о, великий Архангеле Михаиле, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Вторник

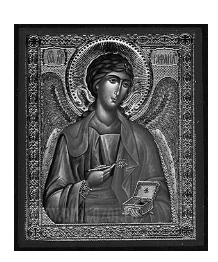
Молитва святому Архангелу Гавриилу

О, великий Архистратиже Божий Архангеле Гаврииле! Ты еси благовестил Пречистой Деве Марии зачатие сына Божия. Возвести и мне, грешному, страшный день моей смерти и умоли Господа Бога за грешную мою душу, да простит Господь грехи мои, и да не удержат меня диаволы на мытарствах за грехи мои. О, великий Архангеле Гаврииле, сохрани меня от всех бед и от тяжкой болезни, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Среда

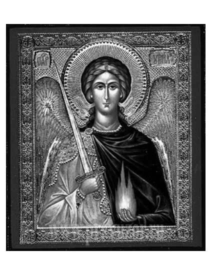
Молитва святому Архангелу Рафаилу

О, великий Архистратиже Божий Архангеле Рафаиле! Ты еси путеводитель, врач и целитель, руководствуй меня ко спасению и исцели все болезни мои, душевные и телесные, и приведи меня ко престолу Божию, и умоли Его благоутробие за грешную мою душу, да простит меня Господь и сохранит от всех врагов моих и от злых человек, отныне и до века. Аминь.

Четверг

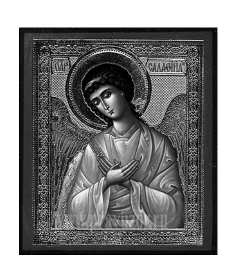
Молитва святому Архангелу Уриилу

О, великий Архистратиже Божий Архангеле Урииле! Те еси сияние огня Божественнаго и просветитель помраченных грехами. Просвети ум мой, сердце мое, волю мою силою Святаго Духа, и постави меня на путь покаяния, и умоли Господа Бога, да избавит меня от ада преисподняго и от всех врагов, видимых и невидимых. Всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Пятница

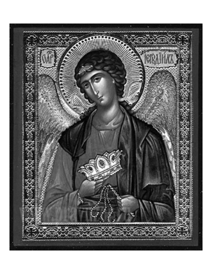
Молитва святому Архангелу Селафиилу

О, великий Архистратиже Божий Архангеле Селафииле! Ты молиши Бога за людей верующих, умоли Его благоутробие за меня, грешнаго, да избавит меня Господь от всех бед и скорбей, и болезней, и от напрасныя смерти, и от муки вечныя, и сподобит меня Господь Царствия Небеснаго со всеми святыми, во веки веков. Аминь.

Суббота

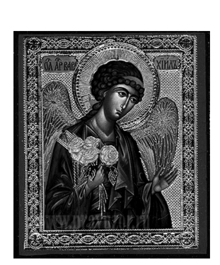
Молитва святому Архангелу Иегудиилу

О, великий Архистратиже Божий Архангеле Иегудииле! Ты еси ревностный защитник славы Божией, ты возбуждаеши прославляти Святую Троицу, побуди и мене, лениваго, славити Отца и Сына и Святаго Духа и умоли Господа Вседержителя, да созиждет во мне сердце чисто и дух прав обновит во утробе моей и Духом Владычним утвердит меня поклонитеся Богу духом и истиною, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Воскресенье

Молитва святому Архангелу Варахиилу

О, великий Архистратиже Божий Архангеле Варахииле! Предстоя Престолу Божию и оттоле принося благословение Божие в домы верных рабов Божиих, испроси у Господа Бога милосердия и благословения на домы наши, да благословит Господь Бог нас от Сиона и горы святыя Своея, и умножит изобилие плодов земных, и подаст нам здравие и спасение, и во всем благое поспешение, и на враги победу и одоление, и сохранит нас на многая лета, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Содержание

Вместо предисловия 3

Шествие разрушителя 5

Не может быть 29

Слово в Неделю 28-ю по Пятидесятнице «Господи, имя Тебе – Сила» 47

Молитвы к семи Архангелам Божиим на всякий день седмицы 59

Тайна беззакония

Подписано в печать
Формат 60х90/16
Бумага офсетная
Гарнитура PetersburgC
Печать офсетная
Тираж 2000 экз.
Типография РПК «Полиграфикс»
Заказ № 00000